

Работа с мужской гендерной идентичностью в психотерапии: анализ случая

*Великодная Марьяна Сергеевна, к. психол. н.
Кривой Рог, Украина, КПИ ГВУЗ “КНУ”*

Одним из важнейших критериев научной рациональности разрабатываемой теории является ее проверка непосредственной практикой. В психологической науке речь идет не только и не столько об эмпирических данных некоего исследования, в котором были диагностированы и математически подтверждены общие параметры и взаимосвязи в исследуемом явлении, но и о психологической помощи субъекту: индивидуальному клиенту или группе. Практика такого рода является необходимой «прививкой» ученому-психологу, спасающей от реификации и одновременно поддерживающей не угасающее стремление к научному поиску.

В предыдущих работах мы попытались раскрыть теоретические воззрения и эмпирические выводы автора данной статьи на содержание и природу гендера [2; 4] и гендерной идентичности личности [3; 4], в том числе — мужской [1]. В наиболее кратком виде их можно представить через следующие позиции:

1. Гендер есть некая индивидуальная психическая репрезентация пола, структурирующая опыт соприкосновения и взаимодействия с мужским и женским в процессе всей пре- и постнатальной жизни индивида, имеющая своим результатом определенное расщепление объектов психической реальности на маркированные как мужские или женские. На условных уровнях функционирования — глубинном, когнитивном, поведенческом — гендер представлен как образ, концепт и собственно как некие практики, рациональный, сознательный элемент которых лишь прикрывает более существенный, ранее полученный бессознательный иррациональный.

2. С появлением инстанции Я (Эго, Проекта Я, Субъекта — согласно разным теориям) тождественность индивида утрачивает свою самоочевидность, ему приходится прилагать некие усилия, чтобы Я «соответствовало» другим значимым структурам психики. Применимо к гендеру речь идет о стремлении к обретению гендерной идентичности — поиске способов *быть* тем самым объектом, который маркирован в гендере как соответствующий полу. Поскольку же гендер, как упоминалось, находится в процессе постоянного уточнения, дополнения в связи с получением новых аспектов опыта (к примеру — в виде конкретных предписаний значимых взрослых на счет поведения «хорошего мальчика» и «хорошей девочки»), эта идентичность достигается ценой постоянного изменения Я (или, точнее, в понимании К. Г. Юнга — Персоны), изменения, которого никогда не достаточно. Именно поэтому идентичность в ее математическом смысле ($A=A$) так никогда и не достигается, речь идет скорее о переживании «достаточного» соответствия Я гендеру, где мерой достаточности выступает ощущение цельности и подлинности.

3. Говоря о мужской гендерной идентичности, мы подразумеваем не что иное, как гендерную идентичность мужчины, без апелляций к тому, насколько согласуется она с иерархией предпочитаемых маскулинностей в конкретной

культуре в конкретное время.

4. Природа гендерной идентичности личности базируется на двух базовых интенциях: *первая* касается упорядочивания картины мира индивидом, где накапливаемый опыт пола (анатомо-биологический, гормональный, гонадный, аффективный, когнитивный, коммуникативный и пр.) неизменно структурируется в некую неповторимую целостность, *вторая* может быть описана категорией нужды (см. С. Д. Максименко [6]) как психической энергии, движущей генезис существования личности и связывающей эту последнюю в структурное единство.

Проиллюстрируем изложенные позиции описанием конкретного психотерапевтического случая. Методологическим основанием оказания психологической помощи стал *лингвистический подход к психотерапии*, предложенный Н. Ф. Калиной [5] как некая авторская теоретико-методологическая интеграция психоаналитических теорий, методов и техник, ставящих во главу угла дискурс аналитика и анализанда — классического психоанализа З. Фрейда, структурного психоанализа Ж. Лакана, шизоанализа Ж. Делеза, Ф. Гваттари и др. Сеттинг — 2 психотерапевтические сессии по 50 мин. в неделю. Общее количество сессий — 15.

Клиент *А.*, 29 лет — рабочий, последние 2 года проживает в гражданском браке с *Б.*, а также с ее ребенком. Обратился к психологу впервые, по совету *Б.*, чтобы разобраться в своем отношении к ней. По словам *А.*, он очень любит *Б.* и уже тайно приобрел кольцо, чтобы сделать ей предложение. Однако около полугода с частотой в один-два месяца у него, как он выразился, «*планка падает*»: *А.* молча собирает вещи и без объяснений уходит от *Б.* Далее сценарий повторяется до мелочей: *Б.* сама выходит на контакт с *А.* (обычно — по телефону), пытается выяснить причину его ухода, *А.* сначала нехотя, потом более активно обсуждает с *Б.* все те бытовые вопросы, которые вызывают у него сверхсильное желание уйти, *Б.* удивлена, она уверяет *А.*, что все эти вопросы можно было решить путем обсуждения с ней. В процессе разговора с *Б.* *А.* каждый раз «вдруг понимает», что все его негодования действительно могут разрешиться благодаря своевременному обсуждению с *Б.* вместо ухода, и он возвращается к ней. Но спустя месяц-два история повторяется.

Обращение за помощью к психологу было спровоцировано не в последнюю очередь и тем, что «*планка*» *А.* начала «*падать*» и в виде более буквального симптома — импотенции, медицинские причины которой не были выявлены урологом.

В контексте изложенных нами теоретических позиций симптоматика *А.* указывает на некое противоречие в его гендерном образе на глубинном уровне функционирования психики, актуализация которого является угрожающей для его Я. Поскольку Я не способно выстроить идентичность с данным неосознаваемым противоречивым побуждением, не способно защититься от него вытеснением, изоляцией, сублимацией и т. д., то *А.* спасается либо бегством из ситуации, актуализирующей противоречие, либо — позже — формированием симптома, символически разрешающим его. В психотерапевтической работе осталось прояснить, какие глубинные аспекты

гендерного опыта *А.* участвуют в формировании симптома и в чем состоит угроза для *Я.*

Лингвopsихологический анализ данного случая показал, что в образовании симптома ухода значимую роль играет мать *А.* (к которой он и уходил от *Б.*), что побудило нас построить гипотезу о детско-родительской этиологии проблемы и предложить *А.* поговорить о его родителях и, в частности, об их отношениях в то время, когда *А.* был еще маленьким мальчиком. Удивительно, но *А.*, тепло отзываясь о матери и подчеркивая, что у них не бывает ссор, совершенно ничего не знал о своем отце, помнил только, что у того была красная машина. Ни профессии отца, ни увлечений, ни причин и тем более времени разрыва с матерью *А.* не мог назвать и утверждал, что его это никогда не интересовало. Задание разузнать об отце побольше воспринял без энтузиазма, однако выполнил к следующей сессии.

Начнем, пожалуй, с того, что не было у отца никакой красной машины (это воспоминание было связано с другим мужчиной, с которым у матери были недлительные «хорошие» отношения). Отец и мать *А.* расстались еще во время беременности, причиной чему были конфликты с применением физического насилия со стороны отца. Согласно пересказанным *А.* воспоминаниям матери, отец переживал ситуации фрустрации исключительно в гневе и не мог контролировать себя в этих чувствах. Вскоре после рождения *А.* его отец совершил попытку примирения и тут же — нападения с ножом на мать *А.* во время её прогулки с коляской. Это была первая и последняя встреча *А.* с отцом.

В контексте симптоматики *А.* полученный таким образом гендерный опыт (самый ранний, иррациональный, неосознаваемый, аффективно мощный) можно представить следующими презумпциями: «злиться (мужчине) значит приносить вред другому (женщине)», «проявлять злость значит быть брошенным любимой женщиной (терять любовь, переставать быть желанным)», «женщина не виновата в злости мужчины». Ситуации, в которых совместное проживание с *Б.* фрустрировало потребности *А.*, вызывали в нём злость, негодование и, тем самым, актуализировали указанные ранние запреты из гендерного образа, связанные со страхом потери или разрушения любимого объекта. Не понимая, что с этими чувствами делать, *А.* вначале совершал это «падение планки» в виде ухода (что является и реализацией наказания «я должен быть брошенным», и символическим заместителем агрессии к *Б.*), а позже — в аутоагрессивной форме наказания себя за свои чувства симптомом импотенции (что символически — та же агрессия против *Б.*: «я так зол, что не хочу тебя»). Поскольку, как известно, симптом всегда полидетерминирован, в случае *А.* можно разглядеть и второй план симптомообразующих факторов: бегство от *Б.* (в т. ч. от близости с *Б.*) было призвано также сохранить фантазию о невинности матери в том, что отец злился. Остаться с *Б.* и говорить с ней о своих чувствах означало для *А.* признать, что женщина некими действиями способна разозлить мужчину, что в целом противоречило бессознательному семейному мифу. Неудивительно, что *А.* не удавалось сохранять собственную идентичность путем достижения соответствия *Я* требованиям гендера: сами эти требования были противоречивы и травматичны для *Я.*

В лингвистическом подходе будет уместным также обратиться к иным точкам референции высказывания «планка падает», выходящими за пределы сознательного говорящего. Метафорические коннотации слова «планка» обычно обращены к уровню чего-то, часто — к уровню притязаний (например, «высокая планка»). Учитывая личную историю А., можно предположить, что злиться, проявлять злость по отношению к любимой женщине — это то же самое для него, что «терять уровень», «становиться хуже», что означало крах для нарциссического Я и требовало немедленного разрешения.

Дальнейшая работа с А. строилась на пересмотре его семейной истории с формированием реалистичного отношения к ней со стороны его Я, а также на развитии способности чувствовать, выражать чувства и говорить о чувствах в значимых отношениях. В улучшении отношений с Б. не последнюю роль также сыграла интерпретация симптомов А. как способов уберечь Б. от его сокрушительной агрессивности, доставшейся по наследству от отца.

Этот случай интересен тем, что он наглядно демонстрирует влияние самого раннего опыта (в т. ч. пренатального) на гендерное маркирование и, следовательно, на возможность достижения идентичности. Эмпатическое переживание происходящего между матерью и отцом запечатлелось в бессознательном А. в виде неких гендерных презумпций касательно того, что мужчине можно чувствовать, а что нет, что можно проявлять, а что нет, а также того, что может чувствовать женщина по отношению к мужчине, проявляющему агрессию. Невозможность сознательной репрезентации и символизации ранних воспоминаний обеспечила тотальный иррациональный характер этих презумпций и порождение поведенческого, а следом и психосоматического, симптома.

Библиографические ссылки

1. Боровцова М. С. Мужская гендерная идентичность как объект психологического исследования // Гендерные аспекты гуманитарных наук : материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. (09 июля 2012, Новосибирск, Россия). – Новосибирск : СибАК, 2012. – С. 5–9.
2. Боровцова М. С. Гендер як неповторна репрезентація статі // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2012. – Т. 17, Вип. 5. – С. 6–12.
3. Боровцова М. С. Гендерна ідентичність особистості: теоретичний аналіз // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2011. – Т. 16, Вип. 17. – С. 19–29.
4. Великодная М. С. Гендер и гендерная идентичность: ретерриторизация означающего // Identity of a personality and a group: psycho-pedagogical and sociocultural aspects : materials of the international scientific conference on January 27–28, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – pp. 34-40.
5. Калина Н. Ф. Лингвистическая психотерапия : монография. – Симферополь: Ваклер, 1999. – 282 с.
6. Максименко С. Д. Генезис существования личности. – К. : ООО «КММ», 2006. – 240 с.